

УРОКИ ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ

АЛЕКСАНДР ЖОЛКОВСКИЙ

КАК «СДЕЛАН» ВОРОНЦОВ ПУШКИНА

К структуре эпиграммы «Полу-милорд, полу-купец...»¹

<НА ВОРОНЦОВА>

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.

Это четверостишие я впервые прочел лет семьдесят назад и запомнил раз навсегда — каждое слово, каждый дефис, каждую рифму и запятую. О его содержании и адресате я, наверное, услышал на уроке литературы, что полагалось, — про

...гневное слово политического сатирика <... и> ядовитую иронию, когда речь заходит о графе Воронцове — наместнике царя в Южном крае. В четырех строчках создан портрет упоенного собой англomана, презирающего все русское. А главное — показан один из тех твердолобых столпов режима, который своей реакционностью и консерватизмом готов перещеголять самого августейшего монарха (*Ершов*: 28).

Услышав же, пропустил, как все такое, мимо ушей, и мое знание о Воронцове еще долго ограничивалось информацией, почерпнутой из пушкинского стишка, и смутными догадками о романе ссыльного поэта с красавицей-женой титулованного начальника.

А лет через пять этот скромный запас сведений пополнился туристическими впечатлениями от Воронцовского дворца в Алушке, как раз — в рамках оттепели — открывшегося для посетителей. Впечатления были сильные и, главное, на той же волне, что от пушкинского текста, — эстетической: дворец являл собой достойный милордский ответ автору эпиграммы (хотя и оставшийся тому неизвестным).²

Текст я помнил, но анализировать не собирался. Пока на недавнем семинаре в USC (весной 2021 года) не ввел обычай задавать аспирантам задачи по поэтике, например: как тут натурализовано финальное *наконец?* Ответ читатель найдет, естественно, в конце статьи (и тем временем может поискать его сам), но тогда мы с аспирантами нащупали далеко не всё, и я продолжал раздумывать над текстом, обнаруживая в нем всё новые красоты.

Параллельно я стал расширять свои познания об этой эпиграмме — ее адресате, обстоятельствах создания и истории публикации. Коротко суммирую прочитанное.³

Эпиграмма, сочиненная в Одессе в первой половине 1824 года, на бумагу поэтом занесена, по-видимому, не была и циркулировала в устной передаче и многочисленных списках; а в октябре того же года другой ее вариант был послан в письме П. А. Вяземскому, опубликованном лишь в 1902 году и содержащем ее единственный известный автограф:

Полу-герой, полу-невежда,
К тому ж еще полу-подлец!..
Но тут, однако ж, есть надежда,
Что полный будет наконец.

При жизни автора и адресата эпиграмма не печаталась, впервые была опубликована за границей (1861), а в России сначала в «Русском архиве» (1876), затем в первом томе пушкинского собрания (под ред. П. А. Ефремова; 1880). Предпочтение отдавалось то одной, то другой редакции — до академического 16-томного собрания, где вариант, известный по спискам, был канонизирован в качестве основного (т. 2 (1), 1947, с. 317), а известный из письма к Вяземскому помещен в качестве «первой редакции» (т. 2 (2), 1949, с. 831).⁴

Эпиграмма озаглавляется условно, адресат в ней не назван, но он легко узнавался, хотя, по мнению большинства комментаторов, нарисованный в ней портрет крайне несправедлив. Мишенью Пушкина стал потомственный аристократ — граф (с 1845-го князь, с 1852-го светлейший князь) М. С. Воронцов (1782—1856), образованнейший человек своего времени, учившийся в Англии, свободно владевший французским, английским и немецким, читавший по-итальянски и на латыни, герой Отечественной войны (раненый при Бородине и воспетый Жуковским в «Певце во стане русских воинов»; 1812), видный военачальник и крупный государственный деятель, генерал-губернатор Новороссийского края (1823—1844), гостеприимный хозяин светского салона, западник и либерал, защитник евреев. И да, требовательный начальник бравировавшего своей нерадивостью молодого поэта, прикомандированного к нему в качестве мелкого чиновника⁵, но не запятнавший себя доносами на него, торгашеством⁶ или иными подлостями.⁷

Воронцов действительно бывал высокомерен, наслаждался всеобщим почтением и невысоко ценил стихи своего подчиненного, считая его слабым подражателем не лучшего оригинала — Байрона, нуждавшимся в углубленном изучении великих классиков. Пушкин, разумеется, был о себе иного мнения, и отношения сложились холодные до враждебности. Эпиграмму на себя Воронцов, по-видимому, знал, но виду не подавал. В конце концов Пушкин

написал прошение об отставке; ее приняли, и он был отправлен в Михайловское под надзор собственного отца. А следующий, 1825-й, год в Одессе провел другой ссыльный поэт — Адам Мицкевич, наверняка слышавший там пушкинскую эпиграмму, с которой потом отчасти списал свою собственную.⁸

Но о самой эпиграмме и ее завораживающей убедительности мне удалось узнать немного. Как если бы специалистов интересовали преимущественно ее житейские, а не эстетические аспекты, то есть то, в чем Пушкин был, пользуясь его же словами, «мерзок, как мы», а не то, что так выгодно отличает поэта от простых смертных: его особое видение мира и виртуозное владение словом, стихом, поэзией грамматики и опытом европейской литературной традиции. Меня же занимает именно загадка ее непреходящего блеска — безотносительно к ее ненадежности как исторического портрета. *Se non è vero è ben trovato!*

На память приходит даже более вопиющий случай из пушкинского репертуара: образ Сальери как завистника-отравителя Моцарта. Но там автора отчасти оправдывало бытование в Европе соответствующей легенды, а миф о Воронцове — надменном невежде и подлеце — был создан Пушкиным, в общем-то, самостоятельно.

Посмотрим же, как «сделан» этот образ; если угодно, как Пушкин «сделал» ненавистного вельможу-начальника, против которого был бессилён социально, но оказался всемогущ литературно.

В сущности, перед нами типовая литературоведческая задача, ибо, как мы знаем, поэтический текст держится не на «отражении реальности», а на успешном сцеплении («лабиринте сцеплений») выразительных конструкций (приемов, мотивов, топосов, жанровых и иных условностей и т. п.), несущих его центральную тему (доминанту, матрицу). Это можно сравнить с тем, как в картинах Джузеппе Арчимбольдо человеческие лица и тела монтируются из цветов, овощей, фруктов и прочей растительности.⁹

Что это за конструкции, становится более или менее очевидно уже из пристального вчитывания в текст эпиграммы и сопоставления ее с другими эпиграммами Пушкина и корпусом русской и, шире, латинской и позднеевропейской, в основном французской, эпиграмматики¹⁰, а также соотнесения с инвариантами пушкинской поэзии. Структура данного текста предстает плодом уникального отбора и совмещения многих готовых эффектов, которыми она натурализуется в большей степени, нежели «правдой жизни».

Бегло назову наиболее релевантные для нашего разбора. Это:

— подрыв честолобивых претензий персонажа, лежащий в основе комизма;

— сочетание оценочного лирического начала с повествовательным;

— броская риторика элементарных тождеств, контрастов и совмещений;

— развертывание серии уничижительных характеристик адресата, завершающееся самой обидной;

— двухчастность композиции, начинающейся с притворного сочувствия адресату, а кончающейся неожиданным поворотом;

— оперирование стереотипными оценочными топосами (торгаша, плебея, дурака, подлеца...);

— опора на простейшую, и потому бесспорную, арифметику (*Ум хорошо, а два лучше; За морем телушка — полушка, да рубль перевоз*; ‘две половины дают целое’);

— игра с языковыми категориями, вплоть до каламбуров (*Согласен я: он просто **скот**, Но, что он Вальтер Скотт, — не верю*; Неизвестный автор, 1830 или 1831; № 1292¹¹);

— проекция, часто иконическая, конструктивных решений на разные уровни текста (что характерно для настоящих поэтов и редко у записных эпиграмматистов, способных зарифмовать лишь одну остроумную находку).

Но обратимся к «медленному чтению» текста — его пословному комментированию в этих терминах.

ПОЛУ- Знаменательна уже первая половина первого слова — полнозначная корневая (а не приставочная) морфема.

Семантически она задает тему ‘половинчатости, неполноты, нехватки’ — одного из, как выяснится, ‘недостатков’ адресата (инкриминируемых ему в противовес его претензиям на величие) — и делает это в элементарном арифметическом ключе.¹²

Половинчатость, кстати, может обыгрываться и без употребления корня *пол-*, ср. пушкинскую эпиграмму на Н. И. Гнедича («К переводу Илиады»; 1830)¹³:

Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера,
Бокон одним с образцом схож и его перевод.¹⁴

С нарративной точки зрения, ‘нехватка, недостача’, нуждаясь в ‘восполнении’, может служить завязкой, требующей развязки, то есть смены исходной неустойчивости финальной стабильностью.

А в общедискурсивном плане это — настройка на ‘неопределенность’ (недоговоренность, двусмысленность), созвучная имитации объективности в началах эпиграмм.

Метрически морфемой *полу-* намечается двусложный размер, предположительно (ввиду словарной ударности 1-го слога) — хорей.

-МИЛОРД Этот англицизм — прозрачный намек на английское воспитание и общее англоманство Воронцова, то есть на ‘иностранность, чуждость русскому духу’, хотя бы и частичную — благодаря сочетанию с морфемой *полу-*. Каковое заодно бросает тень и на полноценность воронцовского аристократизма: само по себе ‘лордство’ не так уж, может быть, и плохо, но и оно-то имеется лишь наполовину.

Форма именительного падежа задает набор возможных синтаксических функций обвинительного слова — то ли подлежащего, то ли приложения к (ожидающемуся) подлежащему, то ли именной части сказуемого двусоставного оценочного предложения с опущенными связкой и подлежащим (типа: <Ты/он —> *молодец/умница/негодяй*). Эта неопределенность получит интересное развитие.

Ударение на 2-м слоге формы *-милорд* подсказывает решение метрического вопроса в пользу не хорей, а ямба. Вопрос же об относительной ударности 1-го и 2-го слогов формы *полу-* остается открытым (аккомпанируя общей игре с неопределенностью). Исходно ударно *о*, тем более что *полу-милорд* — не готовая словарная единица (в отличие, скажем, от *полусвет* и *полубогиня*), а свободное образование, недаром пишущееся через дефис и сохраняющее за первым членом семантическую полноценность. Но метрически сильный икт приходится на *у*, так что если не ударными, то хотя бы интонационно выделенными оказываются оба гласных. В принципе не исключается и ударение только на *-лорд*, дающее VI форму 4-ст. ямба (с пиррихиями на 1-й и 3-й стопах) или пеон 4-й.

Дефисом подчеркивается деление сложного слова на две части, равные по числу слогов и сходные по ритмическому рисунку (ср., напротив, неравночленную пару *Полу-фанатик*, *полу-плут* в известной эпиграмме на архимандрита Фотия, см. ниже), а отчасти и по звуковому составу (*пОЛу-миЛОрд*). Так в план выражения проецируется мотив половины и его опора на равенство $\frac{1}{2} + \frac{1}{2} = 1$ (и готовится финальный ход от *полу-* к *полным*).

ПОЛУ-КУПЕЦ С введением второго обидного сложного существительного в именительном падеже с начальным *полу-* возникает серия, и отмеченные выше эффекты повторяются и усиливаются. В частности, новое слово тоже делится на равные, семантически полноценные и фонетически сходные (благодаря повтору *п* и *у*) половины. К этому добавляется симметрия двух слов, делящих и строку ровно пополам, — развивая иконизацию половинчатости.

Повтором компонента *полу-* подчеркивается и его важность: педальирование как личностной не-цельности персонажа, так и притворной авторской ‘объективности’, а, значит, подтверждается и желательность его фонетического акцентирования.

Чем же обидна эта характеристика? В русских эпиграммах образ купца устойчиво ассоциируется с корыстностью, нечестностью и вульгарностью, что по адресу безупречного аристократа Воронцова звучит особенно оскорбительно.

Этому способствует и сопоставление в пределах одной строки *полу-купца* с *полу-милордом*, высвечивающее не только повтор первых компонентов, но и общий признак, по которому (вдобавок к оппозиции ‘иностранное/русское’) соотносятся вторые: ‘социальное положение’.

Так строятся отнюдь не все такие серии; например, в другом варианте эпиграммы *полу-герой*¹⁵ и *полу-невежда* осмысленной пары не образуют — действуют порознь и в единое целое не складываются.

То же — в приписываемой Пушкину эпиграмме на архимандрита Фотия (№ 872; 1824?):

Полу-фанатик, полу-плут;
 Ему орудием духовным
 Проклятье, меч, и крест, и кнут.
 Пошли нам, господи, греховным
 Поменьше пастырей таких, —
Полу-благих, полу-святых.

Первые две характеристики — разнородные, а вторые хотя и однородные, но почти синонимичные, то есть повторяющие, а не дополняющие друг друга до целого.

В основном варианте эпиграммы два половинчатых свойства соотносятся по одной семантической оси, до какой-то степени покрывая ее, чем готовится кульминационный эффект суммирования (отсутствующий в эпиграмме на Фотия).

Одновременно намечается порядок следования, в котором 1-й член представляет '(полу-)позитивную' сторону адресата, а 2-й — '(полу-)негативную'. Правда, размах противопоставления и, значит, символического охвата 'социальной' шкалы не максимален: привлекаются два разных, но не противоположных класса (полярной была бы пара **Полу-милорд, полу-холоп*). Так что эпиграмма начинается с умеренно позитивной (= притворно объективной) пары оценок ('милорд' не оптимально хорош, а 'купец' не полярно плох)¹⁶ и лишь подспудного намека на суммирование.

При этом Пушкина интересует не столько сама социальная иерархия, сколько ее моральные обертоны (предвестия финальной 'подлости').

Строка замыкается мужской рифмой на *-ец* — суффиксом, которому предстоит интересная роль в поэзии грамматики стихотворения.

Неопределенной продолжает оставаться и синтаксическая функция в строящемся предложении теперь уже двух сложных существительных в именительном падеже, начинающихся с *полу-*.

Сама же подобная сериализация существительных восходит к западной традиции; это

прием, неоднократно применявшийся европейскими эпиграмматистами <...>
Ж.-Б. Руссо <...> и Уго Фосколо <...>

Вот фрагмент из стихотворения Руссо «*Bien que votre ton suffisant...*» <1743> <...>
Перевод: *Это священник, мало склонный <к священству>, / Полу-мантия <судейская>, полу-сутана, / Полу-набожный, полу-мирской; / Ученый настолько <, что знает> азбуку <...>*

Восьмистишие Фосколо <1810> <...> «*Dimmi tu, pur sei mezzo algebrista...*» <...>
Перевод: *Скажи мне, ты, являющийся полу-алгебраистом, / Как получается это? Ты полу-доктор теологии, полу-эллинист, / Полу-спартанец, полу-сибарит, / Полу-поэт, полу-каламбурист, / Полу-брат <= монах>, полу-мужчина, полу-политик; / Как среди стольких половин нет ничего целого? / Как, сложенные все вместе, они дают ноль? (Добрицын: 427—428).*

Заметим, что хотя у Руссо половины соотносятся по единому параметру ('церковное/светское'), это не ведет к теме 'целого'.¹⁷ Напротив, у Фосколо есть пары как однородных, так и разнородных половин и даже три половины в одной строке, но вопрос об их суммировании в целое как раз ставится (и решается негативно).

ПОЛУ-МУДРЕЦ Серия продолжается — добавляется еще одно симметричное двустопное сложное существительное в именительном падеже, тоже с фонетически сходными (опять благодаря общему у) половинами,

и дополнительно сходное с двумя предыдущими (с *полу-купец* благодаря *у* и *-ец*, а с *полу-милорд* — благодаря *м*, *д* и *р*).

Такое фонетическое перетекание придает серии целостность — как некое единого массивованного обвинения, в котором смазываются различия между отдельными пунктами (очередная заявка на полноту).

Новинкой является отчетливая (хотя и половинчатая) позитивность этого 1-го слова строки, несмотря на суффикс *-ец*, перенятый у негативного *-купец*. Резким стыком (...*полу-купец*/*Полу-мудрец*...) и звуковым подобием оттеняется позиционный и оценочный контраст.

ПОЛУ-НЕВЕЖДА Серия продолжается, но инерция во многом нарушается. Второе слово строки на один слог длиннее первого — оно вводит женскую клаузулу; но рифмующий гласный остается тот же: *Е*.

Морфологически это слово отлично тем, что относится не ко 2-му склонению (как все предыдущие), а к 1-му (на *-а*), фонетически же и сходно (содержа ударное *Е* и согласный *д*) и отлично (всем своим рисунком и отсутствием общих звуков у двух частей сложного слова — еще одним кивком в сторону полноты).

Помимо эффектного *ж*, звучащего в стихотворении впервые, новым здесь является и пока сравнительно незаметное *н*.

Строка в целом тоже отличается от предыдущей — семантической соотнесенностью и полярностью противопоставления двух слов по четкому общему признаку ‘интеллект’ (причем слово *невежда* звучит предельно оскорбительно, чему способствует и его формальная новизна).¹⁸ Так достигается полное покрытие целого двумя взаимодополняющими половинами и заодно подтверждается порядок следования слов в строках: сначала полупозитивное, затем полунегативное.

Тема половинчатости звучит все настойчивее — как структурообразующий элемент и как едва ли не главное эпиграмматическое обвинение, хотя и выраженное первой, ‘квазислужебной’ частью сложных слов (а не семантически ядерными вторыми частями). Служебность этих *полу-* с лихвой компенсируется возведением их в ранг конструкции, организующей текст.

Переход от социальной оси оценок к интеллектуальной знаменует качественный сдвиг в сторону благоприобретенных черт личности, законно подлежащих оценке (вдобавок к количественному продлению серии обвинений).

ПОЛУ-ПОДЛЕЦ Пятое, самое сильное (и, как окажется, последнее) из серии однословных оскорблений в именительном падеже наносится по самой чувствительной — моральной — линии.¹⁹

Обострение оценочности сопровождается увеличением фонетического сходства между половинами сложного слова: корни *полу-* и *подл-* различаются лишь одним согласным — *д* (уже появившимся в *-милорд*, *-мудрец* и *-невежда*). Есть между двумя половинами и семантическое сходство: подлость по определению включает двудличие.

Взятию верхней обвинительной ноты сопутствует композиционная неожиданность: (полу-)негативное слово теперь начинает строку — в противовес морфологически и фонетически сходному (полу-)позитивному в преды-

душей (*полу-мудрец*) и в нарушение установившейся было инерции давать сначала полухорошее, затем полуплохое. Это нарушение натурализуется формальным сходством с двумя предыдущими словами на *-ец*, а также с недавним, тоже неожиданным, стыком (*полу-купец / Полу-мудрец*).

Тем самым делается важный смысловой ход. За первой, уже плохой, характеристикой теперь можно ожидать еще худшей. Так и окажется — но не сразу, а после еще одного неожиданного поворота, к которому подталкивает серия надоедливо однообразных нападок на героя.

НО Начинается переход ко второй части двучленной композиции.

Противительный союз маркирует некоторый поворот, но необязательно радикальный: за ним может последовать и продолжение серии существительных (скажем, *...не злодей, А только жалкий лицедей...).

Многие эпиграммы строятся без поворота, на простом нарастании негативов, венчаемом особенно сильным; например, та же эпиграмма на Фотия или вот эта — Марциала (III, 53; с. 99):

И лица твоего могу не видеть,
Да и шеи твоей, и рук, и ножек,
И груди, да и бедер с поясницей.
Словом, чтобы мне перечня не делать,
Мог бы **всей** я **тебя** не видеть, Хлоя.

Впрочем, некоторый парадокс есть и в ней: ожидаемого после серии негативов поворота к позитиву не происходит.²⁰ Происходит же, что важно для нас, суммирование частей в 'целое' (опять-таки негативное).

Но чаще композицию завершает тот или иной парадокс, как бы отменяющий предшествующую серию и перенаправляющий обвинение в иное русло. Такова пушкинская эпиграмма на Булгарина (№ 859; 1830):

Не то беда, что ты **поляк**:
Костюшко **лях**, Мицкевич **лях**!
Пожалуй, будь себе **татарин**, —
И тут **не** вижу я стыда;
Будь **жид** — и это **не** беда;
Беда, что ты **Видок Фиглярин**.

Обвинения по национальному признаку возникают, но трижды отводятся, после чего выдвигается более серьезное — в фиглярстве и доносительстве.

Вернемся, однако, к нашей эпиграмме; на фонетическом уровне союз *но* становится вторым звеном в цепочке согласных *н*, начавшейся в предыдущей строке.

ЕСТЬ Появление личной формы глагола — новый скачок в синтаксическом движении текста. Пять однородных существительных оказываются серией не подлежащих или приложений к некому будущему подлежащему,²¹ а двусоставных оценочных предложений с опущенными подлежащим и сказуемым-связкой. За ними теперь следует глагольное сказуемое, с формой

базового предиката *быть*, скрыто присутствовавшего в предыдущих предложениях.

Синтаксический минимализм текста нарушается, но пока минимально — несмотря на новизну, вносимую эксплицитным явлением глагольного сказуемого, причем *до* подлежащего (в противовес тотальному до тех пор господству одиночных сказуемых-существительных). При этом фокус высказывания смещается в сторону от подразумеваемого адресата-подлежащего (**ты/он*) — но недалеко, ибо может еще вернуться к нему как к дополнению (типа **...но есть в нем то-то и то-то*).

Ударное *есть* окончательно снимает метрическую неопределенность в пользу 4-стопного ямба: эта строка написана II формой (с пиррихием на 1-й стопе), а предыдущие две — VI формой (а не пеоном). Ударение именно на 3-й, статистически самой слабой, стопе, да еще и на фундаментальном глаголе ‘существования’ делает третью, как правило кульминационную, строку четверостишия особенно эффективной. (В последней, четвертой, будет применена самая распространенная — ‘нейтральная, спокойная’ — IV форма с, напротив, пропуском ударения на 3-й стопе).

В плане ритмо-синтаксиса эта строка — четкий анжамбеман: в ее середине начинается новое предложение отличной структуры, отменяющее ставшее привычным деление строк и полустихий на сходные половины. Интересно, что в том же месте другого варианта эпиграммы анжамбемана нет: там *полу-подлец* замыкает целую строку (*К тому ж еще полу-подлец!..*), и следующая целиком отводится под появление *надежды*.

На этом фоне ярче проступает еще один эффект основного варианта: длинное, в полторы строки, заключительное предложение оказывается не отдельным синтаксическим единством (с большой буквы и с новой строки), а уточняющим примечанием к *полу-подлец*, так что уход в сторону сочетается с фиксацией все на том же ‘он’. Запятая позволяет всему стихотворению уложиться в единый период (еще один вклад в эффект ‘целого’).

НАДЕЖДА Строка замыкается подлежащим нового предложения, и оно определяет рифмовку четверостишия как опоясывающую (по двум первым клаузулам можно было ожидать и более нейтральной перекрестной).

Продолжаются консонантные цепочки *н* и *д*, которым вскоре предстоит сыграть важную роль.

Новое существительное отлично от всех предыдущих: и своим женским родом, и тем, что оно не является очередной оценкой адресата, и тем, что бросает взгляд в будущее, приводя предельно статичное до сих пор повествование (пять опущенных сказуемых-связок и один глагол *есть* в настоящем времени) в движение.

Более того, оно анонсирует поворот от половинчатых, но все более негативных оценок героя — к позитиву (само оно — *надежда* — половинчато, если не по форме, то по смыслу); дотоле скрытая (в *полу-*) объективность вроде бы выходит на поверхность.

Оценочному повороту вторит продолжение формального ухода в сторону от адресата (путем смены как актанта в именительном падеже, так и типа предикации).

ЧТО Союз, вводящий придаточное предложение, несет еще один синтаксический сдвиг — к сложноподчиненной структуре. *Надежда* могла бы управлять не союзом *что* + придаточное, а более простой конструкцией — предложной (*надежда на...*) или инфинитивной (*надежда стать...*). Но стихотворение, начавшееся серией именных предложений с опущенной связкой, а затем перешедшее к эксплицитной глагольности, теперь открывает для себя гипотаксис — структурно растет; заодно разрастается и синтаксическое отклонение в сторону.

БУДЕТ Сказуемое придаточного предложения оказывается формой будущего времени все того же глагола-связки: взгляд в будущее актуализуется с соблюдением лексического минимализма.

А где подлежащее к этому сказуемому? Оно угадывается — учитывая форму 3-го лица единственного числа глагола — в виде частого в эпиграммах *он*. Но даже эта уклончиво местоименная форма в тексте не прописывается — возможно, в порядке иронической игры с принятой в эпиграммах хорошего тона анонимностью (или псевдонимностью) адресата.

Тем не менее происходит, пусть пока подспудно, возврат ко все тому же главному актанту эпиграммы — вопреки последовательному отказу от упоминаний о нем и временному уходу от него в сторону. Такой подхват вроде бы уже забытого, да так ни разу и не названного подлежащего выглядит синтаксическим тур-де-форсом на грани аграмматизма.

ПОЛНЫМ Это развязка. Полнота относится не ко всем предыдущим половинчатостям, а лишь к последней, прочитываясь, по восстановлению эллипсиса, как **полным подлецом*. Таким образом, эллипсис самой обидной части именного сказуемого накладывается здесь на привычный уже эллипсис подлежащего *он*, удваивая игру в 'неопределенность'.

Но игра подходит к концу: оказывается, что *надежда*, проглянувшая было в предыдущей строке, и параллельный синтаксический уход в сторону были предприняты в порядке злой иронии. От минутного воображаемого поворота к позитиву теперь происходит решающий возврат к негативу.

Присмотримся к богатой оркестровке этого эффекта.

На уровне выразительных формул полнота предстает естественным результатом давно предвкушавшегося суммирования. А сложение двух негативных половин, но на этот раз не разных (хотя и взаимно дополнительных — как *полу-мудрец* и *полу-невежда*), а тождественных (настолько, что второе можно опустить), еще больше заостряет ироничность высказывания.²²

Впрямую, без иронии, сложение сомнительных половин налицо, как мы помним, в итальянском прототипе пушкинской эпиграммы, где

среди стольких половин нет целого <...> сложенные вместе они дают ноль <...>. С пушкинской эпиграммой это стихотворение роднит <...> возникающий в пуанте вопрос о «целом» (*Добрицын*: 428).

Оперирование формулой $\frac{1}{2} + \frac{1}{2} = 1$ практиковалось в европейской, в частности французской, эпиграмматики и вне оценочных серий с *полу-*

Например, знаменитая автоэпитафия Жана Лафонтена, озаглавленная «Épitaphe d'un paresseux» («Эпитафия ленивцу», 1659?), кончается так:

<...> Quant à son temps, bien le sut dispenser:
Deux parts en fit, dont il soulait passer
L'une à dormir et **l'autre** à ne rien faire.

(букв.: Что касается своего времени, [то он] отлично умел им распорядиться; / Он разделил его на **две части**, из которых обычно посвящал / **Одну** сну, а **другую** безделью).

В русских переводах 'арифметика' часто скрадывается; ср. «Перевод Лафонтеновой эпитафии» К. Н. Батюшкова (1805):

<...> И время вот как разделял:
 Во весь день — пил, а ночью — спал.

и сравнительно недавний — В. Е. Васильева:

<...> Он время так распределять любил:
 Гостил и ночь и утро у Морфея,
 А после целый день баклуши бил.

(Лафонтен, «Самому себе; ФБЭ-2014; 146).²³

Но вернемся к Пушкину. Фонетически морфеме *пол(у)-*, чтобы превратиться в *полн-*, не хватало только *н* (заботливо поставленного словами *невежда*, *но* и *надежда*). И вот теперь произошло это долгожданное присоединение: *пол(у) + н = полн*, идеально, почти каламбурно проецирующее в звуковой план идею суммирования. Тем самым продолжилась и завершилась квазикаламбурная — паронوماстическая — цепочка: *полу — полу — полу — полу — полу-подл — полн*.

Пример сочетания арифметичности (половинчатости) с каламбурностью — эпиграмма Вяземского «Разговор при выходе из театра по представлении драмы “Ivanhoë”, взятой из романа Вальтер Скотта» (1821):

Неможно отказать в достойном фимиаме
 Творцу таких красот,
 И Шаховской в своей последней драме
 Был **совершенный Вальтер Скотт!**
 — Потише! Не совсем! Чтоб был вернее **счет**,
 Из похвалы твоей я **лишнее откину**
 И помирюсь **на половину**.

Правда, тут половинчатость и каламбурность совмещены не столь тесно, как у Пушкина, играющего именно с морфемой *полу-*.²⁴

Впрочем, ранний опыт словесной игры с парой 'полу-/полный' (да еще в связке с 'мудростью/глупостью', хотя и без суммирования половин!) принадлежал тому же Вяземскому, автору «Поэтического венка Шутовского...» — с катреном на тему названий комедий А. А. Шаховского:

«Коварный», «Новый Стерн» — пигмеи!
 Они незрелый плод творца,
 Но «Полубарские затеи» —
 Затее **полного** глупца.

Эта эпиграмма, конечно, была известна Пушкину, и он довел ее пуанту до блеска, совместив утонченную игру слов с нанизыванием серии половинок и их суммированием в целое.²⁵

В плане ритма и синтаксиса теме полноты в нашей эпиграмме иконически вторит отведение под нее единственной целой строки и целого глагольного предложения — после длинной серии разбивок на полустроки.

Эллиптичность (и, значит, некоторая неопределенность) конструкции позволяет воспринимать полноту как метафорически распространяющуюся не только на подлость, но и на все проявления половинчатости. Соответственно, этот недостаток («он — половинчатый человек, претендующий на многое, а на самом деле ни то ни се, ни рыба ни мясо») как бы и констатируется, но снимается в качестве главного обвинения: «дескать, ладно, он не половинчатый, а полный, но полный-то — подлец!» Недостача, двигавшая начиная с первого *полу-* всё повествование, разрешается иронической стабильностью финала.

Существенную опору мотив полноты имеет и вне чисто структурной организации текста.

Во-первых, эпиграмма была сочинена в период, когда Воронцов не получил очередного повышения по службе — до *полного генерала*, и потому звучала особенно злободневно и обидно.²⁶

Во-вторых, полнота — один из пушкинских позитивных инвариантов²⁷, и половинчатость является ее негативной оборотной стороной (ср. таких уродов, как *полужуравль* и *полукот* в «Сне Татьяны»).

Впрочем, у Пушкина негативной может представлять и полнота; ср. № 818 (1821):

Хоть, впрочем, он поэт изрядный,
 Эмилий человек *пустой*.
 — Да ты чем *полон*, шут нарядный?
 А, понимаю: сам собой;
 Ты *полон дряни*, милый мой!

(1821; № 818)

Ср. также концовку № 848: *Хоть герой ты в самом деле, / Но повеса ты вполне* (1829).

С этой точки зрения почленным обращением нашей эпиграммы предстает позитивный образ императора Петра в «Стансах» («В надежде славы и добра...»; 1826):

То академик, **то** герой,
То мореплаватель, **то** плотник,
 Он **всеобъемлющей** душой
 На троне **вечный** был работник.

Тут и (кажушаяся) разрозненность, как бы половинчатость ('то одно, то другое, то третье...'), и спасительная полнота (*всеобъемлющность*), причем первая носит временный характер (*то... — то...*), а вторая — панхронный (*вечный*). Сходна и конструкция: серия существительных в именительном падеже единственного числа (правда, в роли не именных сказуемых, а приложений к появляющемуся в глагольной части высказывания подлежащему *он*).

Структурное подобие двух четверостиший подчеркивает их тематическую противоположность: Воронцов для Пушкина — ни разу не Петр!

НАКОНЕЦ Если *полным* — развязка, то *наконец* — эпилог.

Непосредственный смысл этого слова напрямую подкреплен его финальной позицией и поддержан опоясывающей рифмовкой, оттягивавшей желанный конец — замыкание последовательности: *ец — ежда — ежда — ?*

Ожидание конца подогревается и длинной серией однородных существительных, однообразно начинающихся (*с полу-*) и в трех случаях одинаково оканчивающихся (на *-ец*); перебой серии в середине 3-й строки только напярывает предвкушение.

А в фонетическом плане эффект замыкания обеспечивается двойным присутствием в последнем слове ключевого согласного *н*.

Вообще слово *наконец* состоит целиком из знакомых, уже отыгранных звуков, не содержа ни одного нового. Это не значит, однако, что оно звучит как совершенно предсказуемое резюме. Характерное для многих эпиграмм сочетание прямой авторской инвективы с некоторым фабульным развитием организовано здесь так, что и событийный сдвиг дается под лирическим флагом — в качестве не свершившегося события, а, по определению, модальной, виртуальной надежды.

Выдыхаемое чуть ли не со скукой заключительное *наконец* на самом деле звучит отстраненно-недоверчиво — как сомнение в том, сбудется ли эта ироническая надежда на пусть негативное, но все-таки успешное преодоление (анти-)героем его неизбывной половинчатости. Потянет ли Воронцов хотя бы на полноценного подлеца?!²⁸ Неопределенность опять поднимает голову, и финал остается (полу-)открытым.

* * *

Предвижу недовольство читателей тяжеловесным разбором легкокрылой миниатюры — плода, скорее всего, мгновенной импровизации. Должен признаться, что обилие эффектов, выявлявшихся с трудом в ходе длительного анализа, удивило и меня. Что тут скажешь? Одно дело — *Ай-да-Пушкин*, с его вдохновением, то есть «расположением души к живому приятию впечатлений, следовательно, к быстрому соображению понятий», другое — наш брат зануда-литературовед. Строго говоря, над разбором можно было бы попотеть и подольше, но я малодушно решил удовольствоваться и без того громоздким результатом — памятуя сказанное мне сорок лет назад Р. О. Якобсоном: не всё же делать самому, что-то надо оставить другим.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамович С. Л.* 1974. К истории конфликта Пушкина с Воронцовым // Звезда. 1974. № 6. С. 191—199.
- Альциуллер М. Г.* 2009. Еще раз о ссоре Пушкина с Воронцовым // Пушкин и его современники. Сборник научных трудов. Вып. 5 (44). СПб. С. 345—357.
- Гершензон М. О.* 1919. Мудрость Пушкина. М.
- Гиллельсон М. И.* 1988. Русская эпиграмма // *РЭ-1988*: 5—44.
- Добрицын А.* 2008. Вечный жанр. Западноевропейские истоки русской эпиграммы XVIII — нач. XX века // *Slavica Helvetica*, vol. 79. Bern.
- Ершов Л. Ф.* 1975. О русской эпиграмме // *РЭ-1975*: 5—56.
- Жолковский А. К.* 2017. Поэзия грамматики и непереводаемость (Catullus, 85) // М. Л. Гаспарову-стиховеду. In *memoriam* / Сост. и ред. М. Тарлинская, М. Акимова. М. С. 280—288.
- Коробин Ю. А.* 1962. Пушкин и Воронцов. // http://www.domarchive.ru/reading-room/korobin_art/4281.
- Ларионова Е. О.* 2016. <На Воронцова> («Полу-милорд, полу-купец...») // *Пушкин*: 353, 798—803.
- Марциал Марк Валерий* 1968. Эпиграммы / Пер. и вст. ст. Ф. Петровского. М.
- Муравьева О. С.* 2017. <На Воронцова> («Полу-милорд, полу-купец...», 1824) // *ПЭ-2017*: 185—187.
- Петровский Ф.* 1968. Эпиграммы Марциала // *Марциал*: 5—12.
- Пушкин А. С.* 2016. Полн. собр. соч. В 20 т. Т. 2 (2). Стихотворения. Книга вторая (Юг. 1820—1824) / Ред. Е. О. Ларионова. СПб.
- ПЭ-2017* — Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 3: Л—О. / Редколл.: А. Ю. Балакин, М. Н. Виролайнен, О. Э. Карпеева (секретарь) и др. СПб.
- РЭ-1975* — Русская эпиграмма второй половины XVII — нач. XX в. / Вст. ст. Л. Ф. Ершова; сост. и примеч. В. Е. Васильева, М. И. Гиллельсона, Н. Г. Захаренко. Л.
- РЭ-1988* — Русская эпиграмма (XVIII — нач. XX в.) / Вст. ст. М. И. Гиллельсона, сост. и примеч. М. И. Гиллельсона и К. А. Кумпан. Л.
- Томашевская Р. Р.* 1926. К вопросу о французской традиции в русской эпиграмме // *Поэтика*. Сборник статей. Вып. 1. Л. С. 93—106.
- ФБЭ-2014* — Французская басня и эпиграмма / Сост. В. Е. Васильев. СПб.
- Фомичев С. А.* 1999. Эпиграммы Пушкина на графа Воронцова // Пушкин и его современники (Новая серия). СПб. Вып. 1 (40). С. 163—176.
- Эткинд Е. Г.* 1973. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л.
- Edgerton W.* 1966. Puškin, Mickiewicz and a Migratory Epigram // *The Slavic and East European Journal*. X (1): 1—8.

¹ За замечания и подсказки автор признателен М. Г. Альциуллеру, Михаилу Безродному, А. С. Бодровой, Илье Виницкому, Андрею Добрицыну, Александру Долинину, Роману Лейбову, Игорю Мельчуку, В. А. Мильчиной, Ладе Пановой, И. А. Пильшикову, Е. В. Урысон и Н. Ю. Чалисовой.

² Строительство дворца (1828—1848) по проекту Эдварда Блора, придворного архитектора британской короны и автора замка Вальтера Скотта (!) в Шотландии, в 1837 было далеко от завершения, да и вряд ли Пушкин был бы там желанным гостем.

³ См.: *Гершензон*: 185—205, *Коробин*, *Edgerton*, *Абрамович*, *Фомичев*, *Альциуллер*, *Ларионова*, *Муравьева*.

⁴ Подробнее см.: *Ларионова*: 798, 802. Обе редакции см.: *Пушкин*: 100. Свод разночтений между списками см.: *Ларионова*: 798, 353; это варианты: заглавия (иногда вообще отсутствовавшего): «Эпиграмма на гр. М. С. Ворон...»; «На Воронцова»; «На князя Воронцова»; «На князя Мих. Сем. Воронцова»; «Графу Воронцову»; «На кн. Воронцова»; «Воронцову» (с. 798);

и некоторых строк: *Полу-министр, полу-купец; Полу-подлец, и есть надежда; Что будет полный наконец; Что будет целый наконец*. Высказывалась догадка, что каноническая редакция могла принадлежать Вяземскому (Фомичев: 165—167).

⁵ Коллежского секретаря (1817—1824); титулярным советником Пушкин стал лишь в 1831.

⁶ В комментариях к эпиграмме (например, в *Викитеке*) сообщается, что «Воронцов был материально заинтересован в операциях Одесского порта».

⁷ Обвинением в ‘подлости’ (*Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить И в подлости осанку благородства*) завершается еще одна пушкинская эпиграмма на Воронцова («Сказали раз царю, что наконец...»; *РЭ-1988*, № 838; 1825), поводом для которой стало льстивое, по мнению поэта, поддакивание Воронцова Александру I, сообщившему об аресте испанского революционера Риэго (в дальнейшем казненного). Но, согласно *Коробьин*, Воронцов мог радоваться такому известию вполне искренно.

⁸ «Na Jana Czyńskiego» (1833); см.: *Edgerton*: 1, 6—7 и примеч. 25.

⁹ См., например, его «Вертумн. Портрет императора Рудольфа II в образе Вертумна» (ок. 1590; https://muzei-mira.com/kartini_italia/2444-vertumn-dzhuzeppe-archimboldo-opisanie-kartiny.html).

¹⁰ См.: *Томашевская, Марциал, Петровский, РЭ-1975, Ершов, РЭ-1988, Гиллельсон, Добрицын, ФБЭ-2014*.

¹¹ Здесь и далее нумерация эпиграмм приводится по *РЭ-1988*.

¹² Приведу, по *РЭ-1975* и *РЭ-1988*, три десятка употреблений корня *пол<у>*, из которых примерно треть написаны до Пушкина, треть после него, а треть — Пушкиным (или приписываются ему):

Кантемир: *пол-обеда* (1731); А. П. Сумароков: *пол-имения* (1755), *половину* (1756), *полполушки* (1756), *ни полушки* (1770); Д. И. Хвостов: *полгода* (1799); И. И. Дмитриев: *полубогов* (1807); Н. Д. Иванчин-Писарев: *половиною, пополам* (1810); М. А. Яковлев: *полгода* (1818); П. А. Вяземский: *полубарские* (1815), *на половину* (1821), *пополам* (1845); А. С. Пушкин *полу-милорд* и т. д. (1824); приписываемое Пушкину: *полу-фанатик, полу-плут, полу-благих, полу-святых* (1824?); Б. М. Федоров: *ползолотник* (1824); Неизв. авторы: *полсвета* (1812); *полтину* (1827); *полусне* (1829); В. С. Курочкин: *полуистлевшие* (1861); В. В. Князев: *пополам* (1917); Демьян Бедный: *полтысячи* (1914); Н. Г. Шебуев *полдюжины* (1905); Эмиль Кроткий: *на полустанке* (1917).

¹³ О половинчатости в ее структуре см.: *Жолковский*: 280—282.

¹⁴ Кстати, подрыв литературной репутации персонажа шуточной, часто каламбурной, ссылкой на физический изъян — распространенный прием; ср. эпиграмму Д. И. Минаева на Н. Д. Боборыкина «Аналогия стихотворца» (№ 1494; 1865):

«Я — новый Байрон!» — так кругом
Ты о себе провозглашаешь.
Согласен в том:
Поэт Британии был **хром**,
А ты — **в стихах своих хромаешь**.

¹⁵ Как показал *Фомичев*: 164—166, эта характеристика Воронцова (в посланном Вяземскому варианте эпиграммы, но не в «каноническом») отсылает к «Певцу во стане...» Жуковского:

Наш **твердый Воронцов, хвала!** <...>
Когда **полмерть**, окровавлен, <...>
Он с ясным взором говорит:
«Друзья, бедам презренье!»
И в их сердцах **героя** речь
Веселье пробуждает,
И, оживясь, до-**полы** меч
Рука их обнажает.

По предположению исследователя,

Замечание Пушкина в письме к Жуковскому от 29 ноября [1824] о том, что «полу-Милорд Воронцов даже не полу-Герой», могло свидетельствовать о новой редакции стихотворения (Фомичев: 166; см. также *Ларионова*: 803).

¹⁶ Как «готовая» типично английская сословная пара *купец с Милордом* появляются в басне И. И. Хемницера «Хитрец» (1782).

Готовым является и сниженный образ ‘милорда’. В одной критической заметке («Торжество дружбы...»; 1831) Пушкин объявляет булгаринского «Выжигина» пошлым подражанием

«Английскому Милорду» — роману Матвея Комарова о приключениях милорда Георга (1782), печально известному нам всем по некрасовской строчке про *милорда глупого*.

¹⁷ В еще двух французских эпиграммах (указанных мне А. Добрицыным), половинчатость привлекается ради нее самой, о целом же речь не заходит. Это эпиграммы Пьера-Шарля Руа «На графа Клермона» («Moitié plumet, moitié rabat...» [Полу-плюмаж <офицера>, полу-брыжи <священника>...]; 1758?) и Антуана Лебрена (переведенная из Микеле Верино (1469—1487): «Moitié sages et moitié fous...» [Наполовину умники и наполовину глупцы...]; 1709).

¹⁸ Впрочем, не исключено, что негатив есть и в первом слове строки, если учесть, что за *полу-мудрец* могло слышаться *полуумный* (как Пушкин писал наше сегодняшнее *полоумный*).

¹⁹ Сема 'подл' — излюбленное оружие эпиграмматистов, часто сохраняющее исходную сословную окраску; здесь эта коннотация поддержана переключкой с откровенно классовой 1-й строкой. Ср. раннее употребление этого мотива у А. С. Сумарокова (в сочетании еще и с 'умом/глупостью') в басне «Осел во Львовой коже» (1760), где

сатирик выступает против несообразностей, нередко встречающихся в жизни:

Или когда в чести увидишь дурака
Или в чину урода
Из сама подла рода,
Которого пахать произвела природа.

«<...Б>иологическое <...> и социальное неравенство <...> имеют якобы один и тот же источник» (Ершов: 14).

В антологии *РЭ-1988* слова с корнем *подл-* (*подлый, подлец, подлость, подличать* и даже дважды персонаж по имени *Подлон*) за первые сто лет (начиная с 1734) встречаются 19 раз — в № 27, 95, 353, 356, 493, 578, 717, 818 (дважды в одной эпиграмме), 828, 836, 837, 1051, 1066, 1120, 1121, 1226, 1279, 1297, в том числе у Пушкина — 5 раз, причем еще дважды в пуантах (в № 837, тоже на Воронцова, см. примеч. 7; и № 818 (1821): *В передней он подлец, в гостиной он дурак*). *Подлецом* (и *невеждой*) Пушкин охотно называл Воронцова и в переписке.

²⁰ То же в еще одной его мизогинистской эпиграмме (X, 75; *Марциал*: 303—304): поэт отказывается платить запрашиваемые продажной женщиной суммы, каковые по мере ее старения систематически снижаются, но, на его взгляд, недостаточно быстро; в финале он отвергает и предложение бесплатного секса (отметим последовательную 'арифметичность' этого сюжета).

²¹ Типа *ты*, как в только что приведенной эпиграмме на Булгарина, или *он*, как в четверостишии из «Стансов» (см. ниже).

²² Вспоминается применение подобной иронической арифметики в заметке из легендарного «Клуба 12 стульев» на 16-й полосе «Литературной газеты» 1970-х. Привожу по памяти (ср. также: <https://refdb.ru/look/1193530-pall.html>):

Забывтый рецепт

Недавно на редакционный огонек заглянул пенсионер Н. Садовский. Он поделился с членами клуба рецептом коктейля «Мерцающие звезды», популярного в дни его юности. В бокал налить сто грамм водки. Затем добавить еще сто грамм. Содержимое бокала тщательно перемешать. Коктейль готов.

²³ В батюшковском переводе другого подобного текста арифметика не пропадает, но... хромает; ср. «La fraueur» Эвариста Парни (1778) и «Ложный страх» Батюшкова (1810):

<...> Dans un accord réglé par la sagesse,
À mes amis j'en donnerais un quart;
Le doux sommeil aurait semblable part,
Et la moitié serait pour ma maîtresse.

<...> Дружбе дам я час единый,
Вакху час и сну другой;
Остальную ж половиной
Поделюсь, мой друг, с тобой!

[Д]рузьям отдается четверть ночи, сну — другая четверть, а оставшиеся две четверти, вместе составляющие половину, — возлюбленной; у Парни <...> все подсчитано точно.

У Батюшкова правила элементарной арифметики нарушены: он отдает дружбе **час**, еще **час** — пьянству, **третий час** — сну, «**остальной ж половиной**» готов поделиться с любимой; но в остатке ночи оказывается **гораздо больше, чем половина** (*Эткинд*: 121).

²⁴ Интересный вариант арифметической работы с половинами жизни — эпитафия Алессандро Пирона Жану-Батисту Руссо (1670—1741):

<...> Voici l'abrégé de sa vie,
Qui fut **trop longue de moitié**:
Il fut **trente ans** digne d'envie,
Et **trente ans** digne de pitié.

(*букв.*: Вот краткий очерк его жизни, / Которая была **чересчур длинна наполовину** / **Тридцать лет** он был достоин зависти, / **И тридцать лет** достоин жалости; поэтический перевод С. Е. Васильева см.: *ФБЭ-2014*: 247).

Цифры более или менее сойдутся, если отбросить детские годы адресата.

²⁵ Ср., кстати, текст упомянутой эпиграммы Мицкевича:

Wpół jest żydem, wpół Polakiem,
Wpół jakubinem, wpół żakiem,
Wpół cywilnym, wpół żoldakiem,
Lecz zato całym łajdakiem.

(*букв.*: Он полу-жид, полу-поляк, / Полу-якобинец, полу-чиновник, / Полу-гражданский, полу-солдат, / Но зато полный подлец.)

Мицкевич скалькировал пушкинский образец в виде монорима (на *-Akiem*) и с учетом, в 1-й строке, еще и пары 'жиды и поляки' (из эпиграммы на Булгарина), но в целом — упрощенно, без тонкостей и неожиданных поворотов. А все-таки приятно: не только Пушкин учился у европейцев, порой и они у него.

²⁶ См.: *Ларионова*: 803, с опорой на *Абрамович*. Воронцов был среди прочего и *Полномочным наместником Бессарабской области*.

²⁷ См.: *Гершензон*: 7—48.

²⁸ Вспоминается анекдот про мужа, которого ругает жена:

— Ты мудака, такой мудака!.. — Почему же? — Потому что ты такой мудака, что на мировом конкурсе мудаков занял бы, я не знаю, второе место! — Почему же второе? — Да потому, что ты мудака!..